

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

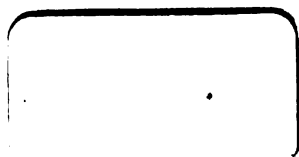
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВІСНИКЪ
Россійскаго Императорскаго
Училищнаго Министерства
А. №. XIX
Кн. II
Ч. 1. а

ЧАСТЬ СЛХVIII.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).

1873.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О смерти царевича Дмитрія Е. А. Балова.

Николай Коперникъ и его ученіе. (Окончаніе) Я. И. Вейнберга.

Дѣйствительно ли походъ Олега подъ Царьградъ — сказка? Н. П. Ламбина.

Разрывъ между Россіей и Турціей въ 1787 году А. Г. Брикера.

Иосифъ Юнгманъ Н. А. Попова.

Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права. (Продолженіе). К. Г. Стефановскаго.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА. } (См. на 3-й стр. обѣрки.)
СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. }

ДѢЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ПОХОДЪ ОЛЕГА ПОДЪ ЦАРЬГРАДЪ — СКАЗКА?

(Вопросъ г. Иловайскому).

По поводу статей г. Костомарова: „Преданія первоначальной Русской лѣтописи“ (*Вѣстникъ Европы* 1873 года, январь, февраль и мартъ), въ апрѣльской книжкѣ *Русскаго Архива* (ст. 654 — 666) появилась замѣтка г. Иловайскаго: „Къ вопросу о лѣтописи и началѣ Руси“, въ которой авторъ въ непогихъ словахъ резюмируетъ свою скифо-роксоланскую теорію происхожденія Руси и убѣждаетъ, даже настаиваетъ, чтобы мы бросили нашу начальную лѣтопись и не утруждали себя напрасно объясненіемъ ея сказаній вплоть до второй половины XI вѣка. „Пора“, взываетъ онъ ко всѣмъ современнымъ изслѣдователямъ нашей исторіи, — „пора, наконецъ, смѣло, логично, безъ предубѣжденій отнестись къ наивнымъ приѣмамъ нашихъ старинныхъ бытописателей, а не прибѣгать ко всевозможнымъ натяжкамъ для того, чтобы подкрѣпить ихъ басни яко-бы научными изысканіями, въ чемъ именно погрѣшили Баферы, Шлецеры и ихъ слишкомъ усердные послѣдователи. Но относительно изыскателей прошлаго столѣтія мы далеко не можемъ быть также строги, какъ относительно современныхъ намъ изслѣдователей; ибо историческая наука съ той поры все же сдѣлала кое-какіе успѣхи“.

Итакъ, кое-какіе успѣхи исторической науки убѣдили г. Иловайскаго въ томъ, что теперь пора уже вычеркнуть первые два вѣка изъ нашей лѣтописи. И это потому, какъ говоритъ онъ, „что записки о событіяхъ начались на Руси не ранѣе второй половины XI вѣка“. То-есть, по его мнѣнію, въ нашей лѣтописи до означеннаго времени нѣтъ ничего достойнаго вниманія, ничего достовѣрнаго, нѣтъ никакихъ извѣстій, записанныхъ своевременно, тотчасъ послѣ совершившихся событій; а все одни только позднѣйшія, баснословныя преданія, собранныя изъ народныхъ разказовъ, или что еще ужаснѣе, —

явныя сказки, басни, измышленія досужихъ книжниковъ, которые „не ранѣе второй половины XI вѣка“ начали фантазировать о началѣ Руси и о дѣлахъ первыхъ князей Русскихъ, то-есть, сочинять изъ своей головы русскую исторію безъ всякихъ источниковъ!... И къ такимъ-то сказкамъ г. Иловайскій причисляетъ теперь и *походъ Олега подъ Царьградъ* (на это, кажется, навелъ его г. Костомаровъ). А почему это сказка? Вѣдь здѣсь нѣтъ архисказочныхъ трехъ братьевъ ¹⁾.

¹⁾ Гдѣ дѣйствителями являются три брата или три сына при старомъ отцѣ, тамъ какъ-то уже принято предполагать непремѣнно сказку. А любопытно бы сосчитать, сколько на основаніи этого признака окажется сказокъ во всѣхъ исторіяхъ, даже документально достоверныхъ. Вотъ для примѣра некоторые, всѣмъ извѣстныя, изъ русской исторіи: 1) у Святослава три сына, изъ нихъ двое старшихъ погибаютъ въ междоусобіяхъ, а младшій Владиміръ—сказочный Иванушка!—дѣлается единовластителемъ Руси! Развѣ это не больше похоже на сказку, чѣмъ три брата—Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, изъ которыхъ (согласно не по сказочному) двое младшихъ умираютъ, а старшій остается? 2) у Владиміра двѣнадцать сыновей (не вѣрете, ибо двѣнадцать тоже число сказочное), но изъ нихъ, по смерти отца, дѣйствителями являются только три брата—Святополкъ, Ярославъ и Мстиславъ; старшій погибаетъ въ борьбѣ съ среднимъ братомъ; младшій умираетъ скоропостижно, не оставивъ потомства, а средній братъ—Ярославъ «бысть самовластецъ Русьскѣй земли». 3) Изъ пяти сыновей, между которыми Ярославъ подѣлялъ Русскую землю, главными дѣйствителями по смерти его опять являются три брата, изъ которыхъ также младшій Всеволодъ переживаетъ старшихъ, и остается главою Руси и продолжателемъ династіи. 4) У Ярославича Изяслава († 1078 года) три сына—Мстиславъ, Ярополкъ и Святополкъ. 5) Изъ пяти сыновей Святослава Ярославича († 1076 года) дѣйствителями по смерти отца и продолжателями рода были также три брата—Олегъ, Давыдъ и Ярославъ; ибо двое старшихъ сыновей (Глебъ и Романъ) умерли вскорѣ послѣ отца, безъ потомства. 6) Въ линіи старшаго Ярославича Владиміра, умершаго при жизни отца, также были три брата Ростиславичи, внуки Владиміра—Рюрикъ, Володаръ и Василько, которые получали въ удѣлъ область Червевскую или княжество Галицкое. Не трудно продолжить эту перечень трехъ братьевъ чрезъ всю русскую исторію, но и приведенныхъ примѣровъ достаточно; замѣтимъ только въ заключеніе, 7) что и у царя Алексѣя Михайловича также было три сына, и что младшій изъ нихъ, соотвѣтствующій сказочному Иванушкѣ, — Петръ Великій—преобразователь и просвѣтитель Россіи, творецъ ея могущества и величія. Если же во всѣхъ этихъ и во многихъ подобныхъ случаяхъ три брата не являются признакомъ сказки, то почему же три брата—Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ сказка? Развѣ можно считать сказаніе о призваніи князей сказкой единственно только потому, что признакомъ были три брата? А вѣдь другихъ признаковъ сказочности этого сказанія нѣтъ доселѣ не указала, потому что ихъ нѣтъ. А почему три брата являются обыкновенно героями сказокъ, хотя далеко не всѣхъ, конечно? Не потому ли, что такъ бываетъ и въ дѣйствительной жизни? Вышеприведенные случаи трехъ

Но за то авторъ скиво-роксоланской теоріи находитъ здѣсь другіе, на его взглядъ, столь же ясные признаки сказки. Впервыхъ, въ лѣтописи говорится, что въ походѣ у Олега „бѣ числомъ кораблей 2.000“; а именно такое число кораблей упоминается уже въ извѣстіяхъ „о знаменитомъ походѣ Скивовъ изъ странъ Меотійскихъ въ Геллеспонтъ и Эгейское море, во второй половинѣ III вѣка“. „Откуда же взялось 2.000 кораблей у Олега?“, спрашиваетъ авторъ, и полагаетъ, что это нашъ безсовѣстный сказочникъ-лѣтописецъ спарядилъ Олега въ походъ на скивскихъ корабляхъ! Далѣе, въ лѣтописи говорится еще, что на каждомъ кораблѣ у Олега было 40 человекъ, и что онъ взялъ съ Грековъ дасть „по 12 гривенъ на ключъ“; „а числа *сорокъ* и *дванадцать*“, замѣчаетъ авторъ, — „суть обычные въ нашихъ пѣсняхъ и сказкахъ“; слѣдовательно, походъ Олега сказка! Вотъ что значитъ логика! Право, какъ-то не вѣрится, чтобы г. Иловайскій говорилъ серьезно, ни въ чемъ неповинныя числа выставляя уликами сказочности не повѣствованія о фактѣ — какими считаетъ ихъ г. Костомаровъ, а самого факта!

По всему видно, что г. Иловайскій дѣйствительно „смѣло“ и съ своей точки зрѣнія, пожалуй, „логично“, но только не „безъ предубѣждений“ относится къ нашей изначальной лѣтописи; онъ даже слишкомъ смѣло отвергаетъ всѣ ея сказанія, не утруждая себя предварительно, какъ слѣдовало бы, обстоятельнымъ ихъ опроверженіемъ и не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что говорили и говорятъ о нихъ другіе, извѣстные и уважаемые наши историки и изслѣдователи. Онъ знаетъ, что Византія, которые, по его мнѣнію, должны все знать, ничего не говорятъ о походѣ Олега, также какъ и о призваніи князей и прибытіи Руси изъ-за моря, — и этого

братьевъ, повторяющіея послѣдовательно въ теченіе многихъ поколѣній, отъ Святослава до внуковъ и правнуковъ Ярослава, доказываютъ, что эта тройственность есть явленіе, можно сказать, нормальное; что въ семьѣ чаще бываетъ три сына или три брата, чѣмъ больше или меньше; что даже въ семьѣ многочисленной, состоящей изъ многихъ сыновей, активными членами, охранителями семейныхъ интересовъ, являются въ данное время обыкновенно три сына или три брата, потому что другіе или уже перемерли, или еще малолѣтки. Да, кажется, и въ статистикѣ отецъ, мать и трое дѣтей, или три сына, считаются за нормальную семью. Стало быть, сказка не сама выдумала *трехъ братьевъ*; эту черту она заимствовала изъ жизни; а мы считаемъ ее какъ-бы исключительною принадлежностію и несомнѣннымъ признакомъ сказки, и потому въ каждомъ событіи, гдѣ только встрѣчаются три брата, готовы видѣть сказку, единственно, только по числу дѣйствующихъ. Справедливо ли это?

для него вполне достаточно, чтобы признать и то, и другое событие за сказку! А наше летописное сказаніе о походѣ Олега на Грековъ весьма и весьма замѣчательно, по самому способу его составленія, какъ чисто механическая сшивка двухъ совершенно различныхъ и разновременныхъ извѣстій о походѣ. Это, можно сказать, куріозъ въ своемъ родѣ. Уже профессоръ Соловьевъ (Исторія Россіи, I, прим. 181) замѣтилъ въ немъ шивки и вставки изъ разныхъ извѣстій, пытался намѣтить и самые швы, но настоящихъ швовъ не разглядѣлъ. Значить, они не бросаются прямо въ глаза, хотя летописецъ, какъ видно, распорядился весьма просто, безъ всякой хитрости: дошедшія до него два письменныя сказанія объ этомъ походѣ онъ разрѣзалъ, такъ-сказать, каждое на три сегмента, и потомъ, наладивъ эти шесть сегментовъ согласно съ ихъ содержаніемъ въ перемежку, сшилъ вмѣстѣ; при этомъ ему не попадобилось вставить отъ себя ни единого слова, и только три коротенькія фразы второго сказанія, которыя сошлись при швахъ съ тѣми же самыми фразами перваго, пришлось ушить, чтобы не повторять дважды къ ряду одно и то же. Распоремъ швы летописца, поставимъ ушитыя фразы въ скобкахъ и укажемъ принадлежность сегментовъ къ каждому изъ двухъ первоначальныхъ сказаній только различіемъ шрифта, не нарушая порядка и связи ихъ въ летописи. Тогда окажется — не куріозъ ли это? — въ одномъ летописномъ сказаніи три разныхъ текста, три чтенія; то-есть, если прочтемъ сподрядъ всѣ сегменты, выключая только фразы въ скобкахъ, будемъ имѣть полный текстъ летописнаго сказанія по спискамъ древней редакціи (*Лавр.*); если же станемъ читать черезъ сегментъ по шрифту, то-есть, сперва сегменты одного шрифта по порядку, а потомъ другого, то получимъ слѣдующія два первоначальныя сказанія, логически полныя и совершенно отдѣльныя, независимыя другъ отъ друга.

Въ лѣто 6415. Иде Олегъ на Греки,

(Иде Олегъ на Греки), Игоря оставивъ Кыевъ; поя же множество Варягъ, и Словѣнъ, и Чюди, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Сѣверо, и Деревляны, и Радимичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци, яже суть толкованы: си вси звахуться Великая Скуоь. И съ сѣми всѣми поиде Олегъ на конѣхъ и въ кораблѣхъ, и бѣ числомъ кораблѣй 2000. (И приде къ Царюграду),

и приде къ Царюграду, и Греци замкоша Судъ, а городъ затвориша. И вышѣзе Олегъ на берегъ, и повелѣ воемъ изволочити корабли на берегъ, и повоева около города, и много убійство створи Грекомъ, и полаты многы разбиша, а церкви пожьгоша; а ихъ же имяху по-

любяники, овѣхъ посѣаху, другыя же мучаху, иныя же разстрѣлаху, а другыя въ море вметаша, и ина многа зла творяху Русь Грекомъ, елико же ратни творять.

и повезѣ Олегъ воемъ своимъ колеса въздѣлати и вѣставити корабля на колеса; и бывшу покосну вѣтру, усняша прѣ съ поля, и идаше къ городу. Видѣвше же Грецѣ убояшася и ркоша, выславше ко Ольгови: «не погубляй городъ, имемъся по дань, якоже хоцешн». И стави Олегъ вой, и вынесоша ему брашна и вино, и не прія его; бѣ бо устроено съ отравою. И убояшася Грецѣ и ркоша: «нѣсть се Олегъ, но святыи Дмитрии посланъ на ны отъ Бога». И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 кораблѣй, по 12 гривнѣ на чловѣка, а въ корабли по 40 мужь; и яшася Греци по ее,

И почаша Греци мира просити, дабы не воевалъ Грецькой земли. Олегъ же мало отступивъ отъ города, нача миръ творити съ царема Грецькыма, съ Леономъ и съ Александромъ, посла къ нима въ городъ Карла, Фарлофа, Велмуда, Рулава и Стемида, глагола: „имѣте ми ся по дань“. И ркоша Грецѣ: „чего хочете и дамы ти“. И заповѣда Олегъ дати воемъ на 2000 кораблѣй по 12 гривнѣ на ключь, и потомъ (*заповѣда*) даяти уклады на Рускіе города: первое на Кіевъ, таже и на Черниговъ, и на Переяславль, и на Полътескъ, и на Ростовъ, и на Любечъ, и на прочая города; по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще, (*и заповѣда*) да приходяче Русь съльбное емлютъ“.... и т. д. до: „и утвердиша миръ“.

(и бысть миръ). И рече Олегъ: «испійте прѣ паволочиты Руск, а Словѣномъ кропійныя», и бысть тако; и повѣсяша щиты свои въ вратѣхъ, показующе побѣду. И поиде отъ Царяграда. И вспяша Русь прѣ паволочиты, а Словѣне кропійныя, и раздра я вѣтръ; и ркоша Словѣне: «имемъся своимъ тольстинамъ, не дани суть Словѣномъ прѣ кропійныя». И приде Олегъ къ Кіеву, неся золото, и паволокы, и овощи и вина, я всяко узорочье; и прозваша Ольга вѣщій: бяху бо людѣ погани и невѣголоси.

Что таковы именно были два первоначальныя сказанія, которыя цѣликомъ вошли въ составъ лѣтописнаго повѣствованія подъ 6415 годомъ,—это, какъ очевидное и, можно сказать, осязательное, не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Очевидно также, что второе изъ этихъ сказаній баснословно, сказочно, однако не сказка, не вымыселъ книжника, а народная легенда, передающая подъ сказочною оболочкой историческій фактъ. Когда же эта легенда о походѣ Олега могла быть написана? По всей вѣроятности, при Ярославѣ, потому что въ ней именами племень, яко-бы участвовавшихъ въ походѣ, очерчена государственная территория Руси Ярославовой; поименованы даже *Вятчичи* во всѣхъ спискахъ, кромѣ *Ипатьевскаго* и списковъ, произшедшихъ отъ одной съ нимъ редакціи. Но *Полотчане* и *Дреговичи*,

не принадлежавшіе къ Киевской Руси при Ярославѣ, не поименованы; не поименованы также и южные, черноморскіе Славяне — *Умичи* и *Улицы*, которые несомнѣнно были подвластны Олегу, и вѣроятно, участвовали въ его походѣ, но которые вскорѣ послѣ него, бывъ вытѣснены изъ своихъ жилищъ Печенѣгами, исчезли, почему и самыя имена ихъ забыты преданіемъ, также какъ и имя *Веси* на сѣверѣ. Выраженіе „на конѣхъ“ также указываетъ, что эта легенда написана никакъ не раньше времени Ярослава: конницы, разумѣется, никакой не было въ походѣ Олега, да и сама легенда послѣ забываетъ о ней, заставляя Олега взять дань съ Грековъ только на одну судовую рать; послать же Олега „на конѣхъ“ легенда могла только при Ярославѣ, или даже послѣ него, то-есть, въ то время, когда вслѣдствіе частыхъ столкновеній съ кочевниками, походы „на конѣхъ“ (и то походы, а не битвы) сдѣлались уже явленіемъ обычнымъ для Киевской Руси. Но и позднѣ исхода XI вѣка легенда эта также не могла быть написана; ибо въ такомъ случаѣ она не попала бы въ „Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Феодосьева монастыря Печерскаго“, то-есть, Нестора, который такъ затѣйливо слилъ ее съ другимъ достовѣрнымъ сказаніемъ о томъ же походѣ. А когда же написано это другое сказаніе, въ которомъ нѣтъ и тѣни баснословія? Неужели „не ранѣ второй половины XI вѣка“? Вѣдь отъ него вѣдетъ правдой и современностію съ событіемъ; къ тому же оно неразрывно связано, какъ необходимое историческое вступленіе, съ условіями мира, скрѣпленнаго тотчасъ по прекращеніи военныхъ дѣйствій дипломатическимъ актомъ, написаннымъ прямо по-славянски, и притомъ, въ простѣйшей формѣ — въ формѣ *протокола*, въ который занесены только рѣчи дѣйствующихъ лицъ или требованія, условія сторонъ, съ удостовѣреніемъ, что эти условія приняты и клятвенно утверждены тою и другою стороною. Этого перваго письменнаго договора Олега съ Греками г. Иловайскій не признаетъ, считаетъ его за сказку, за измышленіе кпижника (какъ будто можно выдумывать подобныя вещи!); но онъ не отвергаетъ ни окончательнаго договора Олега (911 г.), ни договора Игорева (944 г.), хотя и не читалъ ихъ внимательно, что видно изъ его показанія, будто бы „въ договорѣ Олегъ говоритъ о себѣ, что онъ отъ *рода Русскаго*“. А этими двумя договорами неопровержимо подтверждается существованіе не только письменнаго договора 906 г., самымъ побѣдоноснымъ Олегомъ продиктованнаго Грекамъ подъ стѣнами ихъ столицы, но и другихъ словесныхъ договоровъ, которые Олегъ „многажды“ заключалъ съ Гре-

ками. Такъ, въ первомъ изъ нихъ русскіе послы прямо говорятъ (Др. 14), что Олегъ (котораго они по буквальному переводу съ греческаго величаютъ „наша свѣтлость“) неоднократно заключалъ и утверждалъ договоры съ Греками, „не точію просто словесемъ, но и *писаніемъ*, и клятвою твердою, кленшеся оружиемъ своимъ.... по вѣрѣ и по закону нашему“; въ другомъ же, въ договорѣ Игоря, повторяются, съ незначительною только отиѣною въ словахъ, самыя условія перваго Олегова договора и нѣкоторыя изъ нихъ даже съ ссылкой на прежній договоръ, то-есть, съ словами: „яко же установлено есть прежде“.

Итакъ, помѣщенный подъ 6415 г. мирный договоръ съ Греками, съ предпосланнымъ ему краткимъ извѣстіемъ о дѣлахъ Олеговой рати подъ Царьградомъ, не позднѣйшая сказка, а современный, вполне достоверный памятникъ, писанный въ началѣ X вѣка. Только одно выраженіе можетъ, при первомъ взглядѣ, показаться въ немъ вставкою лѣтописца-толкователя, а именно: „по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князя(= величїи князи *Рдз. Три.*) подъ Ольгомъ суще“; но и здѣсь лѣтописцу принадлежитъ только замѣна настоящаго времени *сидять* прошедшимъ *сѣдяху*, — замѣна, которая сплошь и рядомъ встрѣчается въ нашихъ лѣтописныхъ сборникахъ, и которой причину объясняетъ намъ самъ же компиляторъ такъ-называемой Тверской лѣтописи (см. „Поли. собр. лѣт.“ XV, стр. 108, и „Предисл.“ VI).

Кстати, еще вопросъ, и весьма важный: кто эти „величїи князи подъ Ольгомъ суще“, которые сидятъ по разнымъ городамъ русскимъ, и для которыхъ, конечно, а не для жителей городовъ, Олегъ вѣтребовалъ отъ Грековъ *уклады*, то-есть, дань ежегодную, постоянную? Очевидно, что они не посадники или намѣстники Олега, а лица владѣтельные, государи городовъ и волостей, въ которыхъ сидятъ. Они упоминаются и въ договорѣ 911 г. гдѣ, по подлинному чтенію, уцѣлѣвшему также въ спискахъ *Рдз.* и *Три.*, русскіе послы говорятъ (Др. 13), что они „посланы отъ Олга великаго князя Рускаго и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь и его великихъ боярь“. Конечно, только гордость побѣдителя (еще доказательство, что походъ Олега — не сказка) придала этимъ князьямъ и боярамъ эпитеты великихъ и свѣтлыхъ въ параллель къ подобнымъ же эпитетамъ вельможъ греческихъ; въ дѣйствительности же они, безъ сомнѣнія, были просто князья и бояре, которые вмѣстѣ составляли *все князьє*, какъ они и названы въ договорѣ Игоря. Тамъ (Др. 20) послы сперва объявляютъ себя посланными отъ Игоря „и отъ всеи

князья", а затѣмъ, какъ - бы объясняя сказанное, повторяютъ, что ихъ послали Игорь „и князи и бояре его". Ясно, что „князи и бояре" Игоревы—двѣ части одного цѣлаго, *всю князья*, всего сословія князей, владѣющихъ (ибо они участвуютъ въ заключеніи договора съ Греками) подъ рукою Игоря каждый своею частію земли Русской.

Стало быть, въ X вѣкѣ Русская земля не состоитъ еще въ исключительномъ владѣніи одной княжеской династіи; отдѣльными частями ея, подъ рукою великаго князя, кромѣ его родственниковъ, владѣютъ и князья - бояре, очевидно, не родственники его; да и самъ онъ, по имени верховный глава всей земли Русской, владѣетъ и распоряжается въ ней, какъ своею личною собственностію, сравнительно небольшою только частію территоріи. Вотъ почему и Святославъ отдалъ сыновьямъ своимъ только Кіевъ, Древлянскую землю и Новгородъ; прочими же областями онъ не въ правѣ былъ располагать, потому что тамъ вездѣ были свои владѣтели, также наследственные, хотя и подручники его. Только Владиміръ, воспользовавшись благопріятными обстоятельствами, уничтожилъ всѣхъ прежнихъ второстепенныхъ владѣльцевъ, какъ представителей боковыхъ линій княжеской династіи, такъ и князей - бояръ, и соединилъ всю Русскую землю въ одно государство, подвластное одному только его княжескому роду; почему съ того времени всѣ потомки его и считали себя въ правѣ владѣть, смотря по степени своего старшинства въ родѣ, тою или другою частію земли Русской, какъ своей общей родовой собственностію. Дотолѣ же, до начала княженія Владиміра, Русская земля (за исключеніемъ, разумѣется, княжества Новгородскаго—владѣнія уже съ самаго начала наследственнаго для династіи, добровольно призванной на княженіе, по договору, на опредѣленныхъ условіяхъ) была по праву завоеванія полною собственностію завоевателя, то-есть, вольной самостоятельной дружины, съ княземъ во главѣ. Только съ согласія дружины, какъ главнаго хозяина, князь могъ выдѣлять изъ этой общей собственности большіе или меньшіе участки въ отдѣльное, частное владѣніе, какъ членамъ дружины, такъ и другимъ лицамъ, на условіяхъ подчиненности въ отношеніи къ главному хозяину; да и самъ князь не иначе, какъ съ согласія дружины, могъ получить въ свою отдѣльную собственность—въ *домѣн* княжескій—область Кіевскую, къ которой потомъ присоединилась и земля Древлянская, вслѣдствіе ея окончательнаго покоренія Ольгою.

Подобная система владѣнія покоренною страной, извѣстная подъ именемъ феодальной или ленной, повсюду въ Западной Европѣ раз-

вилась изъ уставовъ и распоряженій германскихъ дружинъ или гелетовъ; а у насъ откуда она? Неужели Скиномъ или Роксолане ввели ее? Не представляется ли она, напротивъ, прямымъ и естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ распоряженій, какія сказаніе о призваніи князей приписываетъ Рюрику и Олегу, дѣйствовавшимъ на основаніи тѣхъ же дружинныхъ уставовъ? Эти „князи и бояре“ Игоревы не потомки ли тѣхъ мужей, которымъ Рюрикъ роздалъ во владѣніе волости и города, „овому Польтескъ, овому Ростовъ, другому Вѣлоозеро“, равно какъ и тѣхъ, которыхъ Олегъ, на пути изъ Новгорода въ Кіевъ, посадилъ въ Смоленскъ и въ Любечѣ, а послѣ и въ Черниговѣ, и въ Переяславлѣ, и въ другихъ городахъ, имъ построенныхъ („сеже Олегъ нача города ставити“. Др. 10)? Слѣдовательно, чтобы выбросить изъ нашей лѣтописи это ненавистное многимъ сказаніе о призваніи князей и прибытіи съ ними Руси отъ Варяговъ изъ-за моря, необходимо сперва разорвать очевидную связь его съ договорами и придумать другую, достаточную причину, вслѣдствіе которой появились упоминаемые въ договорахъ „князи и бояре“, то-есть, второстепенные, феодальные владѣльцы. Вѣроятно, г. Иловайскій найдетъ такую причину, и скажетъ, можетъ-быть, что досужій Новгородецъ XIII вѣка, сочинитель легенды о призваніи князей, нашедъ въ договорахъ цѣлое сословіе подручныхъ великому князю владѣльцевъ, не извѣстно когда и отъ чего происшедшихъ, вздумалъ объяснить это явленіе,—и для того именно и приписалъ Рюрику и Олегу раздачу городовъ и волостей мужамъ своимъ, то-есть, что этотъ историческій мечтатель, видя слѣдствіе, самъ придумалъ причину, будто бы его породившую. Такъ именно и мечтаетъ г. Иловайскій по поводу похода Олега; по его логикѣ, не договоръ Олега былъ слѣдствіемъ его похода на Грековъ, а напротивъ, походъ выдуманъ вслѣдствіе существовавшаго договора, „который (собственныя слова г. Иловайскаго), конечно, и подалъ поводъ къ лѣтописной легендѣ о походѣ Олега подъ Царьградъ“. Но не смотря на *конечно*, это увѣреніе не болѣе, какъ пустая фраза; ибо книжникъ, собиравшій народныхъ разказовъ о минувшемъ, составившій, по всей вѣроятности, около половины XI вѣка первую легендарную лѣтопись, изъ которой легенды внесены потомъ въ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, вовсе не зналъ письменныхъ договоровъ и даже не подозрѣвалъ ихъ существованія. Прочтите оба приведенныя выше сказанія о походѣ 6415 года и скажите: имѣлъ ли авторъ позднѣйшаго, баснословнаго сказанія хотя какое-нибудь понятіе о древнемъ достовѣрномъ сказаніи

и соединенномъ съ нимъ первомъ договорѣ Олега? А гдѣ доказательства его знакомства со вторымъ, окончательнымъ договоромъ 911 г.? Если онъ, зная договоръ, по поводу его, какъ полагаетъ г. Иловайскій, выдумалъ походъ Олеговъ, то почему же онъ не только не воспользовался ни единою чертою договора, чтобы придать своему вымыслу характеръ достовѣрности и современности (ибо все достовѣрно въ повѣствованіи подѣ 6415 годомъ принадлежить не ему), но даже и не упомянулъ объ утвержденіи мира письменнымъ актомъ? Къ тому же, еслибъ онъ зналъ, что этотъ актъ, подлинную хартію котораго послы вручили самому Олегу, подписанъ въ Константинополѣ, мѣсяца сентября въ 22-е, въ недѣлю 15-ю (то-есть, въ 15-е воскресенье по пятидесятницѣ), въ лѣто созданія міру 6420-е^а, то могли бы онъ отнести смерть Олега отъ ужаленія змѣи къ осени пятого года, считая съ его возвращенія изъ похода на Грековъ, то-есть, къ осени того самого 6420 года, въ которую Олегъ былъ еще живъ въ такое время (послы могли возвратиться никакъ не ранѣе конца октября мѣсяца), когда змѣи нигдѣ уже не появляются? Разумѣется, легенда эта сложилась въ устахъ народа, но ея редакція принадлежитъ тому же книжнику, который списалъ и предыдущую легенду о Цареградскомъ походѣ Олега. Достаточно прочесть обѣ легенды сподрядъ, чтобы убѣдиться, что онѣ написаны однимъ лицомъ, и такъ сказать, въ одинъ присѣсть; что книжникъ, окончивъ первую замѣчаніемъ о Кіевлянахъ, встрѣчавшихъ возвратившагося изъ похода Олега, именно словами: „баху бо людіе погани и невѣголоси“, поставилъ точку и тотчасъ съ красной строки продолжалъ (Др. 16). „И живяше Олегъ миръ имѣя къ всѣмъ странамъ княжа въ Кіевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже“... и т. д. Ибо въ логическомъ отношеніи между этими двумя легендами нѣтъ никакого промежутка, нѣтъ перерыва мысли; хотя по времени между ними пятилѣтній промежутокъ, но о дѣлахъ Олега въ эти пять лѣтъ книжникъ, очевидно, ничего не зналъ. Незнакомство его съ договорами видно также изъ легенды о единоборствѣ русскаго отрока съ печенѣжскимъ великаномъ, въ память побѣды надъ которымъ Владиміръ будто бы заложилъ городъ Переяславль, „запе перея славу отрокъ-тъ“ (Др. 53). Если бы книжникъ зналъ, что Переяславль упоминается въ договорахъ, какъ городъ, существовавшій уже при Олегѣ и Игорѣ, то вѣдь онъ могъ бы пояснить и оправдать народную сказку своею догадкою, до того естественною, что и намъ пришлось бы признать ее за истину,—а именно догадкою, что этотъ прежній городъ былъ

разрушенъ и сожженъ Печенѣгами, тѣми самими, которые, пользуясь отсутствіемъ Святослава, осадили Ольгу съ ея внуками въ Кіевѣ, и что Владиміръ построилъ теперь новый Переяславль на мѣстѣ прежняго. Книжникъ могъ бы, пожалуй, еще прибавить, что прежній городъ и назывался-то не Переяславль, а какъ нибудь иначе, напримеръ, хотъ Переплавль, — и мы не могли бы не повѣрить ему и въ этомъ, такъ какъ въ нашихъ позднѣйшихъ спискахъ прежнее имя города легко могло въ договорахъ замѣниться новымъ, общезвѣстнымъ. Вотъ здѣсь представлялся книжнику или нашему лѣтописцу, знакомому съ договорами, превосходный, даже воплиѣ законный случай пофантазировать, присочинить кое-что отъ себя, изложить фактъ по своимъ соображеніямъ и домысламъ, согласить народную сказку съ договорами; однако онъ, не мудрствуя лукаво, передаетъ намъ только то, что донесло до него преданіе. А г. Иловайскій обвиняетъ нашихъ старинныхъ книжниковъ и бытописателей въ безсовѣстномъ сочинительствѣ, въ страсти выдумывать изъ своей головы небывалые факты отечественной исторіи, и выдумывать притомъ безъ всякой цѣли, единственно изъ любви къ искусству. И такой приговоръ судья изрекаетъ надъ книжниками безъ предварительнаго судебного разбирательства, основываясь только на принципѣ или законѣ, имъ же самимъ выдуманномъ, будто бы до второй половины XI вѣка въ нашей лѣтописи нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ извѣстій, кромѣ тѣхъ, разумѣется, которыя подтверждаются иноземными свидѣтельствами. И это значить „безъ предубѣжденій“ относиться къ сказаніямъ нашей начальной лѣтописи!

„Изъ пѣсни слова не выкинешь“, говоритъ пословица. Но лѣтопись не пѣсня, и потому выкинуть изъ нея иное сказаніе, пожалуй, можно, но только осторожно, съ оглядкою; а стапемъ выкидывать смѣло, безъ оглядки — неравно оно зацѣпится за что-либо такое, чего никакимъ умственнымъ рычагомъ не сдвинешь съ мѣста; да и зацѣпить-то еще, пожалуй, такъ, что всѣ усилія отцѣпить окажутся тщетными. И придется по неволѣ, потративъ только трудъ и время, оставить въ покоѣ то или другое досадное сказаніе, которое намъ такъ хотѣлось бы выбросить за бортъ. Такъ и случилось съ г. Иловайскимъ. Заботясь только о томъ, чтобы какія-либо иноземныя свидѣтельства не мѣшали ему смѣло хозийничать съ извѣстіями нашей лѣтописи, онъ почелъ себя въ правѣ выбросить изъ нея, какъ неподходящія плевелы, сказанія о Цареградскомъ походѣ Олега и о варяжскомъ происхожденіи Руси; но выбрасывая безъ оглядки, онъ вовсе не за-

мѣтили, что эти сказанія тѣсно связаны съ договорами, которыхъ не возможно сдвинуть съ мѣста,—а потому ему придется теперь разорвать эту связь, доказать, что договоры вовсе не указываютъ на существованіе у насъ въ X вѣкѣ зачатковъ феодальной системы, или что эта система возникла не изъ распоряженій Рюрика и Олега, а изъ другихъ какихъ-либо началъ. Можетъ-быть, это и удастся ему, ибо все можно доказывать. Но и этимъ еще не будутъ устранены всѣ затрудненія для проведенія скиво-роксоланской теоріи; придется преодолѣть еще другія препятствія, и между прочимъ, имѣть дѣло съ однимъ иноземнымъ, византійскимъ памятникомъ, на который доселѣ не было обращено надлежащаго вниманія, но который ясно свидѣтельствуетъ о достовѣрности нашего лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси отъ Варяговъ.

Это заявленіе, конечно, должно изумить г. Иловайскаго, твердо убѣжденнаго въ томъ, что о прибытіи къ намъ князей и Руси изъ-за моря, отъ Варяговъ, нигдѣ, кромѣ нашей лѣтописи, не сохранилось никакихъ воспоминаній, и что о дѣлахъ Олега молчатъ всѣ иноземные источники. Но о чьихъ же дѣлахъ—спросимъ мы—говорится въ одномъ изъ тѣхъ двухъ собственноручныхъ, черновыхъ *отрывковъ* какого-то правителя Херсонской области, которые византионецъ Газе помѣстилъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ Льву Дьякону ed. Bonn. 496—505, Nota ad p. 175), и именно во второмъ отрывкѣ, который приведенъ и у г. Геденова: („О варяжскомъ вопросѣ“, *Записки Имп. Академіи Наукъ* т. I, прилож. 3-е, стр. 67—69) въ латинскомъ переводѣ? Кто эти лютые варвары, которые, какъ видно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ свирѣпствовали на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, опустошая Крымскій полуостровъ и всѣ окрестныя земли, и которые въ самой Херсонской области въ числѣ подданныхъ императора папили своихъ соплеменниковъ, перешедшихъ, наконецъ, на ихъ сторону, то-есть, отдавшихъ подъ покровительство повелителя этихъ варваровъ, какъ пограничнаго съ ними владѣтеля, располагающаго безчисленнымъ воинствомъ и господствующаго притомъ надъ всѣми странами къ сѣверу отъ Истра лежащими? Кто этотъ могущественный повелитель варваровъ? Никто иной, какъ Олегъ, покорившій въ исходѣ IX вѣка и страну черноморскихъ Славянъ—Ульцевъ и Тивърцевъ, между Днѣпромъ и Дунаемъ, и Хазарскія владѣнія на берегахъ Киммерійскаго пролива, къ которымъ, по миру, заключенному съ авторомъ отрывковъ, примкнула еще отъ Греко-Херсонской об-

ласти страна *Дори*, съ ея обитателями Готами-Тетракситами, древними родичами варяжской Руси Олега.

Въ этомъ замѣчательномъ отрывкѣ, который Газе (хотя онъ и не угадалъ его настоящаго значенія, полагая, будто въ немъ говорится о завоеваніи Херсона Владиміромъ) справедливо назвалъ *græclarum plenique regum novarum fragmentum*, мы предлагаемъ г. Иловайскому обратить особенное вниманіе на слѣдующее мѣсто: „*Evaporat superior eorum æquitas et justitia: quas præcipue colentes tropæa antehac maxima statuerant, adeo ut civitates et gentes ultro accederent illis*“. Очевидно, что эти *civitates et gentes* (общины и племена) могутъ быть только наши сѣверныя племена, „Чюдь, Словѣне, Кривичи и Веси“, отправившія посольство за море „къ Варягомъ къ Руси, и вмѣстѣ съ призванными оттуда князьями, принявшіе къ себѣ „всю Русь“, то-есть, дружину, которая потомъ съ Олегомъ во главѣ утвердила свое господство на югѣ, въ Приднѣпровьи и на моряхъ Черномъ и Азовскомъ, получившихъ съ того времени названіе *Русскою моря*. Другаго, подобнаго факта—добровольнаго подчиненія какихъ-либо общинъ и племенъ властителямъ, призваннымъ ими отъ какихъ-то правдивыхъ варваровъ, явившихся потомъ грозными завоевателями на сѣверномъ Черноморьи, не знаетъ доселѣ исторія. Можетъ-быть, такой фактъ отыщеть и укажетъ намъ г. Иловайскій, такъ какъ это для него настоятельно необходимо: иначе его скиео-роксоланская теорія погибнетъ не *во цѣпть мѣтъ*, какъ говорится, а при самомъ ея рожденіи. Можно, впрочемъ, предсказать, что она во всякомъ случаѣ должна неизбѣжно погибнуть, потому что ни Скиамамъ, ни Роксоланамъ не уступить своего мѣста дружина Русь, пришедшая къ намъ съ князьями изъ-за моря, о чемъ наша лѣтопись повѣствуетъ не по смутнымъ устнымъ преданіямъ и не по измышленіямъ мнимаго Новгородца XIII вѣка, а на основаніи современнаго, вполне достовѣрнаго, даже официальнаго памятника, писаннаго въ Кіевѣ въ исходѣ IX вѣка. Но объ этомъ послѣ.

Н. Ламбинъ.